

Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке

Чойган Г. Ондар

Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва;
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

В исследовании рассматривается явление дифференцированного маркирования прямого объекта, зафиксированное во многих языках мира. Правила выбора того или иного падежного показателя прямого объекта в различных языках неоднородны и обусловлены семантическими, синтаксическими и прагматическими факторами. Прямой объект в тувинском языке может принимать форму неопределенного, винительного или исходного падежей. Принято считать, что основным параметром, определяющим выбор того или иного падежного показателя, является категория определенности / неопределенности. Однако, в типологических работах последних десятилетий показывается, что вариативное маркирование прямого объекта в разных языках является сложным и многофакторным явлением. Оно требует детального описания в каждом конкретном языке. В данной работе на материале тувинского языка дифференцированное маркирование прямого объекта в тувинском языке характеризуется через два релевантных фактора одушевленности и определенности.

Материалом исследования послужили 3200 предложений с 4780 прямыми дополнениями в тувинском языке, взятых из стилистически разнородных текстов. Для анализа использовались описательный и статистический методы, компонентный (семный) анализ.

Показано, что явление дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке мотивировано двумя основными функциями категории падежа: различения и идентификации. Суть функции различения состоит в том, что падежная маркировка служит для противопоставления двух основных актантов переходного предложения с учетом их прототипических признаков. Роль фактора одушевленности в явлении дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке можно объяснить через его отношение к стратегии различения. Функция идентификации падежного маркирования связана с семантико-прагматической информацией об именной группе. Аккузативный показатель прямого объекта, реализуя стратегию идентификации, служит для указания на определенность, а номинатив — для указания на неопределенность или неререферентность именной группы.

Ключевые слова: тувинский язык; дифференцированное маркирование объекта; аккузатив; номинатив; прототипичность; одушевленность; определенность

Для цитирования:

Ондар Ч. Г. Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 143-165. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.10>

Ондар Чойган Геннадиевич — ученый секретарь Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва; соискатель ученой степени кандидата филологических наук Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (394) 222-28-00; +7 (383) 330-15-18. Эл. адрес: choygandi@mail.ru. Научный руководитель — д. филол. н. н. Б. Кошкарева.

ONDAR, Choigan Gennadievich, Academic Secretary, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Candidate of Philology Student, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl; 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (394) 222-28-00; +7 (383) 330-15-18. Email: choygandi@mail.ru. Research Supervisor: Doctor of Philology N. B. Koshkaryova.

ORCID ID: 0000-0001-5779-4217

Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке

Choigan G. Ondar

*Aldan Maadyr National Museum, Republic of Tuva;
Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The study examines the phenomenon of differentiated marking of a direct object, known in many languages of the world. The rules for choosing one or another case form of a direct object in different languages are heterogeneous and are determined by semantic, syntactic and pragmatic factors. The direct object in Tuvan can take the form of an indefinite, accusative, or ablative case. It is generally accepted that the main parameter determining the choice a case form is the category of certainty / uncertainty. However, typological works written in recent decades show that the variable marking of a direct object can be a complex and multifactor phenomenon in a number of languages. In each language, it takes an in-depth description. This study, focusing on Tuvan language, traces the direct object through two relevant factors of animateness and definiteness.

The study makes use of 3200 sentences with 4780 direct objects in the Tuvan language taken from stylistically heterogeneous texts. The author relied on descriptive and statistical methods for the study.

The article shows that the phenomenon of differentiated marking of the direct object in the Tuvan language is motivated by two main functions of the case as a category: differentiation and identification. In essence, differentiation as a function means that case marking serves to express the opposition between the two main actants of the transitional sentence, taking into account their prototypical features. The role of animateness as a factor in the phenomenon of differentiated marking of the direct object in Tuvan can be explained through its relation to the strategy of differentiation. The identification function of case marking is associated with semantic and pragmatic information about the noun phrase. The accusative indicator of the direct object, implementing the identification strategy, serves to indicate certainty, while the nominative form aims to indicate the indefiniteness or non-referentiality of the noun phrase.

Keywords: *Tuvan language; differentiated marking of the object; accusative case; nominative case; prototypicality; animateness; definiteness*

For citation:

Ondar Ch. G. Motivatsii differentsirovannogo markirovaniia priamogo ob»ekta v tuvinskom iazyke [Motivations for differentiated marking of direct object in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 143-165. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.10>

Введение

В данной статье речь пойдет о вариативности падежного маркирования именной группы (далее — ИГ) в позиции прямого объекта (далее — ПО) в тувинском языке, где она может быть выражена номинативом, аккузативом или аблативом. Вариативное маркирование ПО (*Differential Object Marking*) заключается в том, что часть ИГ в позиции ПО обязательно или более вероятно получает одно падежное маркирование, в то время как остальные ИГ в той же позиции маркируются другим падежом (или не маркируются) (Bossong, 1985).

На материале разных языков мира выявлен целый ряд семантических, синтаксических и прагматических факторов, определяющих выбор того или иного маркирования ПО. К наиболее значимым семантическим факторам относится агентивность, одушевленность, вовлеченность, квантитивность референта ИГ, а также морфологические и семантические свойства управляющего глагола; к прагматическим факторам относятся референциальный, коммуникативный и дискурсивный статус ИГ; к синтаксическим факторам — финитность клаузы, структурный тип ИГ, порядок слов в предложении (Bossong, 1985; de Swart, 2007; Муравьева, 2008; Dalrymple, Nikolaeva, 2011; Сердобольская, Толдова, 2012; и др.).

Перечень и роль релевантных факторов, определяющих выбор того или иного падежного показателя ПО, в языках различны. Как показывает обширный типологический материал, ограничения, на-

кладываемые данными факторами на выбор того или иного падежа ПО, могут быть абсолютными или в различной степени вероятностными (Aissen, 2003). Поэтому необходимо детальное изучение вариантов маркирования ПО на материале конкретных языков.

В тюркологии изучение проблемы вариативного падежного оформления ПО имеет сложную и длительную историю (Казем-бек, 1846; Майзель, 1957; Исхаков, Пальмбах, 1961; Johanson, 1977; Nilsson, 1978; Тыбыкова, 1985; Убрятова, 2006; Муравьева, 2008; Серээдар, 2009; Лютикова, 2014; и др.). Так, выбор падежного аффикса при оформлении прямого объекта в тюркских языках связывается с рядом факторов:

1. с категорией определенности/ неопределенности. ИГ, имеющие определенный референциальный статус, т. е. в полной мере известные участникам речевой ситуации, оформляются аккузативом, а неопределенные — номинативом. Этот фактор по многим причинам позиционируется как главный, определяющий;
2. со структурным типом именной группы. Всегда оформляются аккузативом определенные группы местоимений, изафетная конструкция 3-го типа, ИГ, содержащие исчерпывающие определения;
3. с отношением глагола и дополнения. Если внимание сконцентрировано на глаголе, а дополнение сливается с глаголом-сказуемым, то оно не получает эксплицитного оформления. Если действие и объект четко разграничиваются, то аккузативное оформление обязательно;
4. с порядком слов в предложении. ПО употребляется в номинативе только в позиции непосредственно перед сказуемым, если между ними оказывается какой-нибудь другой член предложения, то аккузативное оформление обязательно;
5. с коммуникативной структурой высказывания. Если ПО находится в теме высказывания, то оно всегда оформляется аккузативом; ПО в реме, имея такой же коммуникативный статус, что и сказуемое, не получает эксплицитного падежного оформления;
6. с дискурсивной значимостью ИГ. Аккузативное оформление получают ИГ, имеющие высокую значимость с точки зрения всего дискурса.

Таким образом, применительно к тюркским языкам выявлено много факторов, влияющих на выбор падежного оформления ПО. Однако, имеется целый ряд исключений, требующих других объяснений.

Цель настоящей статьи — охарактеризовать дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке на основе двух релевантных факторов одушевленности и определенности. На наш взгляд, дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке мотивировано двумя основными функциями категории падежа, выделяемыми в рамках функционально-типологического подхода: функцией различения (*distinguishing*) и функцией идентификации (*identifying*) (Mallinson, Blake, 1981; Kibrik, 1985; Comrie, 1989).

Суть стратегии различения (*distinguishability*) состоит в том, что падежная маркировка служит для различения двух основных актантах переходного предложения (de Swart, 2007; de Hoop, Malchukov, 2008) с опорой на их прототипические признаки, или прототипичность. Прототипичность понимается как степень соответствия свойств ИГ семантическим, прагматическим и синтаксическим «таксономическим» признакам, лежащим в основе категориальных различий субъекта-Агенса и объекта-Пациенса (Бондарко, 1992; Болдырев, 2002). В реальном высказывании объект-Пациенс может иметь прототипические признаки субъекта-Агенса (например, быть одушевленным), что может привести к двусмысленной интерпретации высказывания. Для устранения потенциальной неоднозначности толкования смысла высказывания ПО маркируется аккузативом. Такое явление возможно в языках, где базовым способом маркировки и субъекта-Агенса, и объекта-Пациенса является номинатив, тем самым показатель номинатива служит одновременно маркером агентивности субъекта-Агенса и маркером пациентивности прямого объекта, а показатель аккузатива — это маркер пациентивности ПО с критическим набором прототипических признаков субъекта-Агенса. При этом аккузативная маркировка ПО ограничивается только теми ситуациями, в которых может возникнуть неоднозначность.

Стратегия идентификации (*identifying*) «использует падежное маркирование для кодирования конкретной семантической или прагматической информации о рассматриваемом аргументе» (de Hoop, Malchukov, 2008: 567). По сути, речь идет о грамматикализации семантико-прагматических языковых категорий.

На наш взгляд, дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке обусловлено этими двумя стратегиями падежного маркирования. Такой подход к проблеме дифференцированного маркирования ПО не отменяет значимости результатов предшествующих исследователей, а, наоборот, объясняет, почему именно этот набор факторов является релевантным для выбора морфосинтаксического оформления ПО.

Для исследования использовано 3200 предложений на тувинском языке, соответствующих структурной модели $N_{\text{Nom}} N_{\text{Acc}} V_f$ (Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008: 121), в которых представлено 4780 примеров употребления прямых объектов. Источником материала послужили стилистически разнородные тексты. 800 предложений взяты из текстов тувинской прозы (романы, повести, рассказы)¹, 800 предложений — из текстов пьес² в качестве иллюстрации разговорного стиля, 800 предложений — из фольклорных текстов³, 800 предложений — из публицистических текстов (газетные очерки, статьи)⁴. Сбор материала проводился методом сплошной выборки предложений, в которых содержатся ПО в аккумулятиве и номинативе. Факторы, определяющие аблативное оформление ПО, будут рассматриваться в отдельной работе.

Методологической основой исследования послужили прототипический подход к категоризации языка, а также современное понимание обусловленности синтаксической структуры высказывания семантическими и прагматическими факторами. Для анализа материала использованы описательный и статистический методы, компонентный (семный) анализ. Для облегчения понимания содержания приведенных примеров на тувинском языке проведено глоссирование (поморфемный перевод) и перевод на русский язык.

Определение прототипичности

Понятие «прототипичности» сформулировано в контексте прототипического подхода или теории прототипов (Rosch et al., 1976; Лакофф, 1988; Витгенштейн, 1994). В современной отечественной когнитивной лингвистике прототип понимается как «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание» (Болдырев, 2002: 58). Прототипичность трактуется как степень соответствия члена категории ее прототипическим признакам.

На основе идеи прототипичности Б. Примус высказала гипотезу о том, что эксплицитное падежное маркирование получает ПО, обладающий свойствами прото-Агенса (Primus, 2007). Эта гипотеза в целом согласуется с идеей Б. Комри о том, что дифференцированное маркирование ПО служит для устранения «омонимии» субъекта и объекта (Comrie, 1989), т. е. эксплицитное падежное оформление получают такие ПО (Пациенсы), которые в большей степени напоминают Агенс. Б. Комри объясняет это следующим образом: «... в естественных языках, определённые грамматические отношения имеют тенденцию характеризоваться определёнными признаками, в частности, субъект склонен быть определённым, одушевлённым и топикализованным, в то время как прямые объекты склонны быть неопределёнными, неодушевлёнными и быть ремой» (там же: 19). Мы частично разделяем позицию ученого. Но в целом, прототипичность не отменяет бытование нетипичных случаев.

Понятие семантических ролей предложено американским лингвистом Ч. Филлмором (Филлмор, 1981). Оно объясняет, какое отношение имеет участник ситуации к самой ситуации. Основными

¹ Даржай А. А. Чурттаарын күзециңзе ... [Если хочешь жить ...]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984; Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000; Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Неугомонный Улуг-Хем]. Красный том. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002; Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965; Монгуш В. Б.-Х. «Кадайыңга ынак сен бе?» [«Любишь ли ты свою жену?»]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2012; Куулар Н. Ш. Улуг ховунуң сактыышкыннары [Воспоминания Великой степи]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2013; Тока С. К. Аратың сөзү [Слово арата]. Кызыл: Издательство Тувинской АО, 1951.

² Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чындзызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973; Серен-оол В. С. Оруктар, оруктар [Дороги, дороги] // Сөөскен-нер чечектелип турда [В пору цветения таволги]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995.

³ Тувинские народные сказки. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994; Тыва улустуң тоодары [Тувинские народные сказки]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2012.

⁴ Ооржак С. Ы. Мөгениң оруу [Путь борца]. Кызыл: Республиканская типография, 2006; Шын солун (газета «Шын»). № 74–80 (18501–18507), 17 июня — 8 июля 2014 г.

участниками семантико-синтаксической структуры переходного предложения являются Агенс (активный участник ситуации, производящий действие) и Пациенс (участник, на которого направлено действие) (Плунгян, 2003). А прото-ролевые признаки, согласно определению Д. Даути, «это те семантические признаки, которые релевантны для выбора аргумента (субъекта или объекта)» (Dowty, 1991: 561).

К прототипическим характеристикам Агенса Д. Даути относит:

1) X совершает сознательный волеитивный акт (акт действия зависит от воли X'a) (пример: Андрей женился на Марии);

2) X воспринимает (посредством органов чувств) другого участника ситуации (Андрей смотрит на Марию);

3) X вызывает изменения в состоянии другого участника (Андрей разбил кружку);

4) X обладает способностью перемещаться (Андрей идет в баню);

5) X — посессор другого объекта (Андрей владеет земельным участком).

К характеристикам прото-Пациенса относятся:

1) X претерпевает изменение в своём состоянии (Андрей разбил кружку);

2) X — инкрементальная тема (Андрей переходит дорогу. Андрей наполнил бокал);

3) на X оказывается воздействие другим участником (другой участник является причиной изменения X) (Андрей починил стул);

4) X неподвижен, не перемещается относительно другого участника (Андрей наехал на столб);

5) X не существует независимо от события (Андрей построил дом) (там же: 572)¹.

Так, ИГ, обладающая наибольшим количеством свойств прото-Агенса, потенциально имеет большую вероятность быть субъектом действия, а ИГ с наибольшим количеством свойств прото-Пациенса — прямым объектом (Dowty, 1991; Ackerman, Moore, 2001). При этом прото-Агенс и прото-Пациенс — это понятия более абстрактного содержания, чем Агенс и Пациенс.

Такая интерпретация близка к пониманию прототипичности в традиции отечественной лингвистики в рамках когнитивного подхода, где в определении семантических категорий субъекта-Агенса и объекта-Пациенса выделяется набор прототипических категориальных признаков (Бондарко, 2000; Болдырев, 2002: 64–65). К наиболее существенным семантическим прототипическим признакам субъекта-Агенса относят «одушевленность», «энергетическую активность», «волеитивность», «каузативность», «контролируемость», а также «креативность предикативного признака» (Болдырев, 2002: 64). К прототипическим признакам объекта-Пациенса относят «инактивность», «претерпевание видоизменения» и «вовлеченность в предикативный признак», или «комплетивность» («в том смысле, что без объекта предикативный признак остается семантически недостаточным» (там же: 72), «в семантической структуре предложения объект и предикат образуют единый комплекс с той или иной степенью спаянности элементов» (Арутюнова, 1976: 125)).

Кроме того, в теории прототипов и системе прото-ролей Д. Даути (Dowty, 1991) допускается возможность наличия смешанных прото-свойств у члена категории. В конкретном высказывании ИГ, имеющая внушительный набор прото-субъектных признаков, может стоять и в позиции ПО, т. е. иметь определенный набор прото-объектных признаков: одушевленный референт ИГ необязательно выполняет роль субъекта, он может быть и объектом. Кроме того, определенные семантические классы переходных глаголов требуют наличия при них одушевленных объектов, например, глаголы *убивать*, *ранить*, *покалечить* и т. п. И наоборот, неодушевленный объект может выступать в роли субъекта-Агенса. Таким образом, прототипические признаки, за исключением центральных, носят не абсолютный, а скорее вероятностный характер, поэтому в случае с дифференцированным маркированием ПО решающую роль играет чаще всего не один фактор, а их определенная комбинация.

Центральным семантико-синтаксическим признаком категории субъекта-Агенса является агентивность — характеристика непосредственного производителя намеренного или ненамеренного действия. Этот признак делает субъектом-Агенсом даже самого нетипичного агентивного участника. Например, в высказывании *Андрея задел камень*, ИГ *камень* обладает признаком агентивности. «Пациентивность» (Григорян, 2014) как центральный признак объекта-Пациенса является русским эквивалентом стандартного и широко распространенного английского *affectedness* (приблизительно «затронутость действием» или «изменение под воздействием», «страдательность»), обозначающего

¹Примеры адаптированы автором статьи.

в широком смысле признак объекта действия (Klaiman, 1988). Агентивность / пациентивность понимаются как признаки семантико-синтаксических ролей: ИГ приобретает такой признак в контексте, в конкретном употреблении. В отличие от других признаков, агентивность не может быть признаком объекта-Пациенса, а пациентивность — субъекта-Агенса.

Таким образом, суть прототипического подхода к дифференцированному маркированию прямого объекта можно выразить следующим образом: показатель номинатива является базовым маркером агентивности субъекта-Агенса и пациентивности объекта-Пациенса, а показатель аккузатива — маркером пациентивности прямого объекта с критическим набором прототипических признаков субъекта-Агенса во избежание двусмысленности.

Одушевленность / неодушевленность

На обширном типологическом материале установлено, что одним из значимых параметров, от которого зависит маркирование ПО в языках мира, является фактор одушевленности / неодушевленности. Например, в испанском языке одушевленность / неодушевленность является практически единственным фактором, определяющим маркирование ПО: в позиции ПО эксплицитное маркирование, получают одушевленные ИГ, а неодушевленные ИГ специального маркирования не получают (Moravcsik, 1978). Однако чаще одушевленность является не единственным, а одним из многих факторов, определяющих выбор в пользу маркирования ПО (Сердобольская, 2019). Соответственно, в разных языках релевантность факторов в явлении дифференцированного маркирования прямого объекта имеет разные степени. В этом смысле интересно исследование релевантности данных факторов для выбора морфосинтаксического оформления ПО в тюркских языках, где роль категории одушевленности в дифференцированном маркировании объекта не считалась релевантной и исследуется с недавних пор (Yarar, 2018; Ондар, 2021).

В соответствии с иерархией одушевленности объекты, занимающие высокие позиции, получают эксплицитное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются немаркированными (Silverstein, 1976; Dixon, 1994; Aissen, 2003; Сердобольская, Толдова, 2012):

Личные местоимения 1-го л. > Личные местоимения 2-го л. > Указательные местоимения, личные местоимения 3-го л. > Имена собственные > Имена, обозначающие людей > Одушевленные имена > Неодушевленные имена.

В тувинском языке категория одушевленности / неодушевленности в формальной грамматике не выделяется, но существует как скрытая категория. Вопрос *кым?* ‘кто’ можно задать только к человеку (к личности), а вопрос *чүү?* ‘что?’ к остальным именным классам (Исхаков, Пальмбах, 1961: 225). Таким образом, внутри семантической категории одушевленности / неодушевленности тувинского языка, которая определяется на основе лексико-семантического критерия, возможно выделение оппозиции «личность / неличность», находящей выражение в вопросительных, определительно-отрицательных (*кым-даа* ‘никто, кто-нибудь’, *чүү-даа* ‘ничто, что-нибудь’) и неопределенных (*кым-бир киж* ‘кто-то’, *кайы-бир чүве* ‘что-то’) местоимениях.

В наших материалах одушевленность характерна для 96% (2974 примеров) субъектов-Агентов¹.

(1) *Сени манагзааш шаг болдувус*².

се=ни	манагза=аш	шаг=Ø ³	бол=ду=вус
ты=ACC ⁴	ждать=CV3 ⁵	время =NOM ⁶	быть=PAST ⁷ =1PL ⁸

‘Мы тебя заждались’.

¹ Примечательно, что близкие результаты получены на материале норвежского языка в выборке из 1000 предложений переходного типа, где одушевленными оказались референты более 97% подлежащих (Øvreliid, 2004).

² Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Кызыл, 2000. С. 6.

³ Нулевая форма.

⁴ Accusative case, форма винительного падежа.

⁵ Converb3, форма прошедшего деепричастия.

⁶ Nominative, форма неопределенного падежа.

⁷ Past, форма прошедшего категорического времени.

⁸ Plural, форма 1-го лица множественного числа

ИГ с неодушевленным референтом в позиции субъекта-Агенса встречаются только в 4% (132 единиц).

(2) < ... > ол көрүш чүректи шуут өдүп турар¹.

ол	көрүш=Ø	чүрек=ти	шуут	өд=үп	тур=ар
этот	взгляд=NOM	сердце=ACC	насквозь	пронизывать	CV1 ² AUX ³ = PRS2 ⁴

‘... этот взгляд насквозь пронизывает сердце’.

96% одушевленных субъектов-Агентов (2859 из 2974) выражены ИГ, обозначающими людей. Такой высокий процент «субъектов-личностей», на наш взгляд, подтверждает прочные связи признака «личность» и категории субъекта-Агенса, что исходит из основной характеристики агентивного участника — иметь волю, быть способным производить действие, описываемое предикатом (Primus, 2007).

В рамках концепции элементарного простого предложения личность признается прототипическим признаком субъекта-Агенса. «Первый актанта, производитель действия (эту семантическую роль называют актором или агенсом) занимает синтаксическую позицию подлежащего в морфологической форме неопределенного падежа. Рассматриваемая модель (N_{Nom} N_{Acc} V_r) предъявляет жесткие требования к словам в этой позиции: они должны заключать в себе сему активности, способности действовать. Естественно, что этому требованию удовлетворяют прежде всего слова, обозначающие людей или указывающие на них: лично-указательные местоимения, существительные, личные имена, термины родства и другие личные нарицательные существительные. Только человек в полной мере способен целенаправленно воздействовать на окружающий мир» (Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008: 122). Такое объяснение согласуется с иерархией одушевленности, представленной выше и именно по этой причине, вероятно, в тюркских языках вопрос *кым?* ‘кто?’ задается только по отношению к человеку.

Форму винительного падежа принимают прежде всего лексемы, обладающие прототипическим признаком «личности»: личные местоимения, возвратно-определятельное местоимение *бот* ‘сам’, вопросительное местоимение *кым?* ‘кто?’, определятельно-отрицательное *кым-даа* ‘всякий, никто’, антропонимы.

(3) Мени өлүрбейн көр⁵.

ме=ни	өл=үр=бейн	көр=Ø
я=ACC	умирать=CAUS ⁶ =NEG.CV ⁷	смотреть=IMP/2Sg ⁸

‘Пожалуйста, не убивай меня’.

На наш взгляд, обязательная аккузативная маркированность личных местоимений в позиции ПО исходит из положения, что они обычно являются главными действующими лицами ситуации. А одним из ключевых признаков прототипа является то, что по сравнению с «нетипичными» представителями категории они характеризуются большей частотностью употребления (Rosch, Mervis, 1975). Таким образом, такая «активная позиция» является одним из важных сигналов их субъектной прототипичности, и именно поэтому они занимают вершину иерархии одушевленности.

Семантически к личным местоимениям 3-го лица близко возвратно-определятельное местоимение *бот* ‘сам’, которое в позиции ПО также всегда оформляется аккузативом.

¹ Куулар Н. Ш. Улуг ховунуң сактыышкыннары [Воспоминания Великой степи]. Кызыл, 2013. С. 7.

² Converb1, форма соединительного деепричастия.

³ Auxiliary, вспомогательный глагол.

⁴ Present2, форма настоящего времени.

⁵ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 252.

⁶ Causative, понудительный залог.

⁷ Negative converb, отрицательное деепричастие.

⁸ Imperative, повелительное наклонение.

(4) Бодун бодаттынын көөрге, мүн-не оттуп келген болган¹.

бод=у=н	бода=ттын=ып	кө=өр=ге	
сам=POSS/3 ² =ACC	думать=REFL ³ =CV1	смотреть=PRS4 ⁴ =DAT ⁵	
мүн=не	отту=п	кел=ген	бол=ган
действительно=part ⁶	просыпаться=CV1	приходить=PAST1 ⁷	быть=PAST1

‘Подумал про себя, и оказалось, что это не сон’.

Показательным является обязательность аккузативного маркирования вопросительного местоимения *кым?* ‘кто?’ и определительно-отрицательного местоимения *кым-даа* ‘всякий, кто угодно, кто-нибудь, никто’. Л. Йохансен писал об обязательной аккузативной маркированности неопределенного вопросительного местоимения *kim?* ‘кто?’ в турецком языке как исключения из «правила определенности» (Johanson, 1977). И насколько нам известно, практически единственной работой, посвященной роли фактора одушевленности в тюркских языках, является недавняя статья Э. Йарар (Yarar, 2018). Имея в своем значении сему абстрактной неопределенности, данные классы местоимений используются только при указании на человека. Центральным в семантике данных местоимений является прототипический признак субъекта-Агенса — «личность», который, вероятно, и определяет аккузативное маркирование.

(5) Салым-чол ам аңаа удур кымны салыптар деп?⁸

салым-чол=Ø	ам	аң=аа	удур	кым=ны	сал=ыпт=ар	деп
судьба=NOM	сейчас	он=DAT	против	кто=ACC	ставить=PFV ⁹ =FUT ¹⁰	part

‘Кого же судьба выставит против него?’.

Следующая ИГ, обязательно маркируемая аккузативом, — это имена собственные. Они абстрагированы от конкретных лиц или объектов, а в коммуникативной ситуации максимально индивидуализированы и актуализируют знания участников речевого акта о называемом объекте. Являясь непосредственными наименованиями конкретных референтов, они выражают максимальную определенность, поскольку они близки к дейктическому потенциалу местоимений. Также референт, называемый именем собственным, имеет высокую дискурсивную значимость. Антропонимы, в отличие от других онимов, обладают семой «личность», антропонимы и зоонимы — «одушевленность». Общим в семантике имен собственных является «определенность» и категориальная сема «не-нарицательность».

(6) Ол келген дораан Буянны хары-буру чок буруудадып-ла эгелэн¹¹.

ол=Ø	кел=ген	дораан	Буян=ны	хары-буру=Ø	чок
он=NOM	приходить=PAST1	сразу	pers=ACC	вина=NOM	postp ¹²
бурууда=д=ып=ла			эгелэ=эн		
быть виновным=CAUS=CV1=part			начать=PAST1		

‘Он как пришел, сразу начал винить Буяна’.

¹ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 256.

² Possessive, притяжательный аффикс 3-го лица.

³ Reflective, форма возвратного залога.

⁴ Present4, форма настоящего времени в значении прошедшего.

⁵ Dative, форма дательного падежа.

⁶ Particle, частица.

⁷ Past1, форма прошедшего неопределенного времени.

⁸ Ооржак С. Ы. Мөгениң оруу [Путь борца]. Кызыл, 2006. С. 21.

⁹ Perfect view, законченный вид.

¹⁰ Future, форма будущего времени.

¹¹ Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Неугомонный Улуг-Хем]. Красный том. Кызыл, 2002. С. 12.

¹² Postposition, послелог.

Нарицательные имена, обозначающие людей, в позиции ПО в наших материалах получают аккузативное маркирование в 80% случаев (145 примеров из 181). Процент маркировки «ИГ-личностей» в позиции ПО аккузативом очень высок.

(7) *Ол черле чейзеңни өлүрер дивээн, <... >*¹

ол=Ø	черле	чейзең=ни	өлүр=ер	ди=вээн
он=NOM	все-таки	чейзен=ACC	убить=INF ²	говорить=PAST1.NEG

‘Она все-таки не хотела убивать чейзена⁵...’

Нарицательные имена существительные получают аккузативное оформление, если имеют сему «личность». Если в примере (8) убрать аккузативное маркирование ИГ *тывалар* ‘тувинцы’, то суть высказывания кардинально изменится: получится, что начали убивать тувинцы, а не наоборот.

(8) *Ынаар Хемчикте тываларны өлүрүп эгелей берген дидир*⁴.

ынаар	Хемчик=те	тыва=лар=ны	өлүр=үп	эгеле=й	бер=ген
там	Хемчик=LOC	тувинец=PL=ACC	убивать=CV1	начать=CV2	AUX=PAST1

дид=ир
говорить=PRS2

‘Поговаривают, что в Хемчике⁵ начали убивать тувинцев’.

ИГ, обозначающие людей, часто имеют определенный референциальный статус, даже если обозначают обобщенные признаки.

Примеры (9) и (10), идущие в тексте непосредственно друг за другом, демонстрируют роль фактора референциальной определенности. В примере (9) девочка впервые упоминается в дискурсе, а в примере (10) — во второй раз. Как видно, во втором случае ИГ получает аккузативное оформление.

(9) *Угбам Албынчы уруг божаан*⁶.

угба=м=Ø	Албынчы=Ø	уруг=Ø	божа=ан
сестра=POSS/1Sg ⁷ =NOM	Pers ⁸ =NOM	девочка=NOM	рожать= PAST1

‘Сестра Албынчы родила девочку’.

(10) *Уругну Сүрүңмаа деп адап алганнар*⁹.

уруг=ну	Сүрүңмаа=Ø	деп	ада=п	ал=ган=нар
девочка=ACC	Pers=NOM	так	называть=CV1	AUX=PAST1=3PL

‘Девочку назвали Сурунмаа’.

¹ Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Неугомонный Улуг-Хем]. Красный том. Кызыл, 2002. С. 7.

² Infinitive, форма инфинитива.

³ Название титула в дореволюционной Туве.

⁴ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 548.

⁵ Название реки в западной Туве.

⁶ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 9.

⁷ Possessive, притяжательный аффикс 1-го лица единственного числа.

⁸ Person, антропоним.

⁹ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 9.

Маркированность неопределенного одушевленного ПО может быть связана с актуальным членением предложения. Однако есть случаи, и достаточно многочисленные, когда аккузативное оформление получают неиндивидуализированные и рематизированные ИГ, обозначающие людей. Такие примеры составляют почти 10% нашей выборки (14 из 145 единиц).

В примере (11) продемонстрирован случай, где аккузативное оформление ПО служит цели различения субъекта-Агенса и ПО, так как ИГ *кижилер* 'люди' в данной ситуации может быть потенциальным субъектом в силу обладания семей «личность».

(11) [Ол таварылгаларда]_{тема} [машина-балгаттыг кижилерни дилээр¹]_{рема}

ол	таварылга=лар=да	машина-балгат=тыг	кижи=лер=ни	дилэ=эр
тот	случай=PL=LOC	транспорт=ADJLZ ²	человек=PL=ACC	просить=PRS2

'В таких случаях просят людей с транспортным средством'.

Вероятно, ситуаций, когда требуется формальное разграничение субъекта-Агенса и объекта-Пациенса в силу одушевленности референта объекта-Пациенса, больше, чем указано выше. Но сложности при подсчетах вызывают случаи, в которых трудно определить какой фактор является определяющим — определенность, коммуникативный статус или одушевленность. Такова роль одушевленности и в бесермянском диалекте удмуртского языка, где этот фактор «не налагает строгих ограничений», но имеет «крайне важное значение» наряду с референциальным и коммуникативным статусом ИГ (Сердобольская, 2019: 212). В таком случае «должны учитываться разные комбинации значений данных факторов, т. к. для них действуют правила разной степени строгости» (там же: 213).

Роль фактора личности, как и практически всех факторов, определяющих дифференцированное маркирование объекта, не носит абсолютного характера, т. е. не все ИГ, обозначающие людей, в позиции ПО получают аккузативное маркирование, что обусловлено тем, что не всегда возникает такая неоднозначность.

(12) Мен барып, эмчи чалап кэйн³.

мен=Ø	бар=ып	эмчи=Ø	чала=п	кэ=эйн
я=NOM	идти=CV1	врач=NOM	вызывать=CV1	AUX=IMP/1Sg

'Я вызову врача'.

В примере (12) немаркированность ПО, во-первых, связана с неопределенным референциальным статусом референтов ИГ *эмчи* 'доктор', во-вторых, между предикатом *чала* 'приглашать, вызывать' и объектом-Пациентом *эмчи* 'врач' устанавливается тесная взаимосвязь, так как данное существительное регулярно используется в качестве объекта-Пациенса при этом глаголе. Такое явление описывается как «вовлеченность в предикативный признак» (Болдырев, 2002: 72). Прототипический признак объекта-Пациенса «вовлеченность» предотвращает возможность неоднозначной интерпретации.

Следующий класс имен, рассматриваемый в контексте одушевленности, — это существительные, обозначающие животных и других живых существ⁴, не являющихся людьми. Особое выделение данной группы продиктовано необходимостью проверки релевантности семы «одушевленность». В наших материалах существительные, обозначающие живых существ, не являющихся людьми, в качестве субъекта-Агенса встретились всего 115 раз в 3106 прототипических переходных клаузах, что составляет 3,7%.

¹ Тес-Хемчилерге эмчилер четкен // Шын. 26 июня 2014, № 76. С. 2.

² Adjectivizator, аффикс, образующий прилагательное.

³ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чындзызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 437.

⁴ Например, существа потустороннего мира в примерах из тувинских сказок.

(13) *Ыт силерниң чүңерни канчапкан?*¹

ыт=Ø	силер=ниң	чү=ңер=ни	канча=п=кан
собака=NOM	вы=GEN ²	что=POSS/2PL	делать=PFV=PAST1

‘Собака Вам что сделала?’

Данный класс существительных в позиции ПО получает аккузативное маркирование примерно в половине случаев — 52% (51 из 99 примеров).

(14) *Ынчан сен семис тарбаганны союп ордуң.*³

ынчан	сен=Ø	семис	тарбаган=ны	сой=уп	ор=ду=ң
тогда	ты=NOM	жирный	тарбаган=ACC	свежевать=CV1	сидеть=PAST=2Sg

‘Тогда ты сидел и свеживал жирного тарбагана’.⁴

(15) *Мергенниң ол чарыында шыргай аразынга койгун, торлаа дузактаан болза.*⁵

Мерген=ниң	ол	чары=ын=да	шыргай=Ø	ара=зын=га
Pers=GEN	тот	сторона=POSS/3=LOC ⁶	дебри=NOM	промежуток=POSS/3=DAT
койгун=Ø	торлаа=Ø	дузакта=ан	болза	
заяц=NOM	куропатка=NOM	ловить_на_петлю=PAST1	postp	

‘Как было бы здорово на том берегу Мергена ловить на петлю зайцев и куропаток’.

В позиции ПО неодушевленные имена существительные маркируются аккузативом в 41% случаев (362 примера из 884). В примерах (16) и (17) представлены кореферентные ИГ, отличающиеся определенностью и неопределенностью.

(16) *{Таалыңның бир талазынче холдааш,} пөс хаптан кадарлыг ээги уштуп келген.*⁷

пөс	хап=тан	кадарлыг	ээги=Ø	ушту=п	кел=ген
тканевый	мешок=ABL	высохший	ребро=NOM	вынуть=CV1	AUX=PAST1

‘{Засунув руку в одну часть переметной сумы,} вытащил оттуда засохшее ребрышко’.

(17) *Соок эьтти дайнагылаан.*⁸

соок	ЭЬТ=ТИ	дайна=гыла=ан
холодный	мясо=ACC	жевать=ITER ⁹ =PAST1

‘Пожевал холодное мясо’.

¹ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 551.

² Genitive, форма родительного падежа.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Пропавшая девочка]. Кызыл, 2000. С. 6.

⁴ Млекопитающее из рода сурков.

⁵ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 9.

⁶ Locative, форма местного падежа.

⁷ Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Iterative, форма многократного вида.

Таким образом, в тувинском языке дифференцированное маркирование одушевленных и неодушевленных ИГ в позиции ПО в целом соответствует иерархии одушевленности: ИГ, референты которых занимают в иерархии одушевленности более высокие позиции, получают аккузативное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются чаще немаркированными.

Личные местоимения 1-го л. (100%) > Личные местоимения 2-го л. (100%) > Указательные местоимения, личные местоимения 3-го л. (100%) > Имена собственные (100%) > ИГ, обозначающие людей (80%) > Одушевленные ИГ (51%) > Неодушевленные ИГ (41%).

Субъекты-Агенты почти всегда обозначают лица, тогда как одушевленные ИГ, называющие нечеловеческие существа, и неодушевленные ИГ очень редко выступают в роли субъекта-Агента, хотя строгого запрета нет. ИГ, обозначающие живых существ, и неодушевленные ИГ в позиции ПО маркируются аккузативом значительно реже, чем ИГ, обозначающие людей. Это показывает релевантность признака «личность» и как прототипического признака категории субъекта-Агента, и как фактора, определяющего аккузативное маркирование ПО, что, вероятнее всего, указывает на тесные связи между прототипичностью и дифференцированным маркированием ПО.

Аккузативное маркирование ПО в тувинском языке не является средством указания на одушевленность (или личность) референта ИГ, а немаркированность не связана с неодушевленностью (или неличностью) референта ИГ непосредственно. Роль одушевленности для дифференцированного маркирования ПО в тувинском языке можно объяснить только через его отношение к стратегии различения субъекта и объекта для предотвращения потенциальной двусмысленности высказывания. Если бы аккузативное маркирование служило грамматикализации категории одушевленности / неодушевленности (личности / неличности), то мы видели бы более последовательное аккузативное маркирование одушевленных и немаркирование неодушевленных ИГ. Фактически фактор одушевленности вступает в силу лишь в тех случаях, когда требуется разграничение субъекта-Агента и объекта-Пациенса.

Определенность / неопределенность

Референциальный статус ИГ играет ключевую роль в выборе морфосинтаксического оформления ПО не только в тюркских (Майзель, 1957; Дмитриев, 1960; Исхаков, Пальмбах, 1961; Nilsson, 1978; Убрятова, 2006; Муравьева, 2008; и др.), но и в других языках, например, в современном иврите (Aissen, 2003), во многих финно-угорских (Сердобольская, Толдова, 2012) и в других языках (de Swart, 2007). Референциальный статус ИГ — это её обязательная семантико-прагматическая характеристика (Падучева, 2010). В языках мира референциальный статус может передаваться посредством определенных и неопределенных артиклей, однако тюркские языки не имеют артиклей, хотя числительное *бир* 'один' иногда выполняет роль неопределенного члена (артикля) (Исхаков, Пальмбах, 1961: 249).

По определению Е. В. Падучевой, референция — это «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» (Падучева, 2010: 79). Референциальный статус ИГ определяется соотнесенностью с референтом, т. е. тем или иным индивидуальным объектом внеязыковой действительности (там же: 83). Референциальные статусы, таким образом, подразделяются на референтные и нереферентные. Далее, референтные ИГ делятся на определенные, слабо определенные и неопределенные. ИГ осмысливается как определенная, если говорящий уверен, что её референт однозначно устанавливается слушающим. Слабо определенные ИГ указывают на объекты, «известные говорящему, но предполагаются неизвестными слушающему». А неопределенная референтная ИГ — это объекты, которые неизвестны ни говорящему, ни слушающему (там же: 86–93). Нереферентные ИГ «не обозначают никаких индивидуализированных объектов» (там же: 94). Похожей трактовки референциального статуса ИГ придерживался Т. Гивон (Givon, 1983): референтными являются ИГ, которые признаются говорящим существующими в рамках данного дискурса. Определенными, по Т. Гивону, являются референтные ИГ, про которые говорящий имеет все основания полагать, что слушающий может каким-то образом сопоставить ей уникального референта (там же).

Аналогично иерархии одушевленности в типологической литературе выстроена иерархия определенности (Givon, 1983: 407; Comrie, 1989: 134–136; Aissen, 2003):

Личные местоимения > Имена собственные > Определенные ИГ > Неопределенные референтные ИГ > Нереферентные ИГ

Верхние позиции этой иерархии частично перекликаются с приведенной выше иерархией одушевленности. Чем выше ИГ в иерархии, тем больше вероятность ее эксплицитного маркирования в позиции ПО, соответственно, чем ниже, тем больше вероятность остаться немаркированной (Aissen, 2003).

Приведем количественные данные, характеризующие определенность / неопределенность субъектов-Агенсов по нашим материалам (табл. 1). Субъекты-Агенсы оказались определенными в 2694 случаях из 3106, что составляет 87%; неопределенные субъекты-Агенсы отмечены в 412 примерах (13%). Важно отметить, что в выборку включены неопределенно-личные переходные предложения, которые преимущественно и составляют весь массив неопределенных субъектов-Агенсов.

Для объектов-Пациенсов результаты следующие (табл. 1): из 4431 употребления определенный референциальный статус имеют 3270 (74%), неопределенный статус – 1161 (26%), из которых 851 (19%) – неопределенные референтные, 310 (7%) – нереферентные.

Таблица 1. Результаты статистического подсчета распределения признака референциального статуса.

Table 1. Statistical computation of the distribution of the referential status sign.

Признак	Роль	
	Субъект-Агенс	Объект-Пациенс
Определенность	87% (2694)	74% (3270)
Неопределенность	13% (412)	19% (851)
Нереферентность		7% (310)

Таким образом, признак определенности вряд ли является прототипическим для субъекта-Агенса или объекта-Пациенса. И субъект-Агенс, и объект-Пациенс примерно с одинаковой частотой характеризуются определенным референциальным статусом, хотя наблюдается небольшая разница в пользу субъекта-Агенса.

В табл. 2 представлена зависимость формы выражения ПО номинативом или аккузативом в зависимости от определенности / неопределенности и референтности ИГ.

Таблица 2. Маркированность ПО и референциальный статус ИГ.

Table 2. Marking of the direct object and the referential status of the IG.

Маркировка	Референциальный статус ИГ		
	Определенные ИГ	Неопределенные референтные ИГ	Нереферентные ИГ
ACC	96% (3270)	39% (332)	29% (90)
NOM	4% (131)	61% (519)	71% (220)

В категорию определенных ИГ мы включили следующие:

1. ИГ, о референте которых речь уже шла и еще живо хранящиеся в памяти участников ситуации;
2. Личные местоимения;
3. Возвратно-определятельные местоимения (бот 'сам');
4. Указательные местоимения и ИГ, определяемые указательными местоимениями;
5. Определятельные местоимения и ИГ, определяемые определятельными местоимениями (шупту 'все', шупту кижилер 'все люди');
6. Имена собственные;
7. Изафетные конструкции 3-го типа, передающие определенность (Буянның авды 'лошадь Буяна', мээң номум 'моя книга').

Во-первых, это определенные ИГ, определенный референциальный статус которых понятен из контекста без помощи актуализаторов и модификаторов.

(18) *Дүрген, азтты ал!*¹

дүрген	аът=ты	ал=Ø
быстро	лошадь=АСС	братъ= IMP

‘Быстро, бери лошадь!’

Об обязательном маркировании личных и возвратно-определяющего местоимений в позиции ПО в тувинском и других тюркских языках мы говорили с точки зрения релевантности признака личность, но когда речь идет о роли фактора определенности / неопределенности, то здесь на передний план выходит значение «персональной дейктивности» в семантике личных местоимений. Именно указание на референтного и определенного участника речевой ситуации определяет их обязательное аккузативное маркирование в позиции ПО. Л. Йохансон писал, что основная функция аккузативного оформления ПО — быть анафоро-дейктическим средством, обеспечивающим идентификацию объекта (Johanson, 1977).

(19) *Кызылчылар бисти дыка чылыг хүлээп алды!*².

кызылчы=лар=Ø	бис=ти	дыка	чылыг	хүлээ=эп	ал=ды
кызылчанин=PL=NOM	мы=АСС	очень	тепло	принимать=CV1	AUX=PAST

‘Кызылчане очень тепло встретили нас’.

На основании дейктической определенности обязательно маркируются аккузативом в позиции ПО также и указательные местоимения: они, как правило, передают значение определенности, так как выражают пресуппозицию существования уникального объекта в общем «поле зрения» говорящего и слушающего. Так, семантику указательных местоимений практически полностью составляет «дейктическое» и «анафорическое» значения:

(20) *Ону харын дүрген сөглө!*³.

о=ну	харын	дүрген	сөглө=Ø
он=АСС	напротив	быстро	говорить=IMP

‘Лучше об этом быстрее говори’.

(21) ... *демги бөрүнү-даа сүрбейн чорупкан!*⁴.

демги	бөрү=нү=даа	сүр=бейн	чор=уп=кан
тот	волк=АСС=part	гнать=NEG-CV	идти=PFV=PAST1

‘...поехал, не преследуя того волка’.

Следующий класс местоимений, обязательно маркируемых аккузативом, это определяющие местоимения. К ним относятся: *бүгү* ‘весь’, *бүгүдө* ‘все’, *хамык* ‘весь’, *шупту* ‘все, всё’, *дөгере* ‘всё, целиком,

¹ Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 7.

² Россия хүнү — Арат шөлүндө // Шын. 17 июня 2014, № 74. С. 4.

³ Серен-оол В. С. Оруктар, оруктар ... [Дороги, дороги ...] // Сөөскеннер чечектелип турда [В пору цветения таволги]. Кызыл, 1995. С. 10.

⁴ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 252.

полностью' и др. (Исхаков, Пальбмах, 1961: 239). Семантически они выражают совокупность всех предметов или коллектива людей, определяют группу предметов и людей или отдельные предметы и индивидуумы (там же: 244). Они в позиции определения, выполняя адъективную функцию, в составе ИГ, выступающего в позиции ПО (23). Определительные местоимения, названные в литературе исчерпывающими кванторными словами (Лютикова, 2014), отсылают либо к известному множеству или объекту, либо ко всем объектам данного класса, выражая в обоих случаях универсальную определенность.

(22) <...> өске-даа хөй-хөй аас чогаал күүселделери хамыкты кайгаткан¹.

өске-даа	хөй-хөй	аас_чогаал=∅	күүселде=лер=и=∅
другой	много	фольклор=NOM	исполнение=PL=POSS3=NOM
хамык=ты	кайгат=кан		
все=ACC	удивлять=PAST1		

'<...> и много других фольклорных исполнений удивило всех'.

(23) Хамык күштү октаар бис².

хамык	күш=тү	окта=ар	бис
все	сила=ACC	бросать=FUT	1PL

'Бросим все силы'.

Обязательного маркирования требуют все имена собственные. С точки зрения структуры лексического значения «сигнификат — денотат — коннотат» для имен собственных и местоимений характерно отсутствие ярко выраженного сигнификативного значения, т. е. понятийное ядро значения отсутствует. Они обретают и реализуют свое значение только в рамках дискурса, т. е. всегда являются референтными. Видимо, именно референциальный статус имен собственных определяет обязательность их аккузативного маркирования.

(24) Бай-Тайгадан баткаш, Барыынны эрткеш, Чадаанга чоокшулап кел чыткан бис³.

Бай-Тайга=дан	бат=каш	Барыын=ны	эрт=кеш	Чадаан=га
Бай-Тайга=ABL	спускаться=CV3	Барыын=ACC	проезжать=CV3	Чадаан=DAT
чоокшула=п	кел=∅	чыт=кан	бис	
приближаться=CV1	приезжать=∅	AUX=PAST1	1PL	

'Выехав из Бай-Тайги, проехав Барыын, мы подъезжали к Чадану'.

Следующий тип определенных ИГ — это изафетные конструкции 3-го типа (ИК3). В 3-м лице они всегда маркируются аккузативом.

(25) Май-оолдуң бажын төөредип тур сен бе, Чечек?⁴

Май-оол=дуң	быж=ы=н	төөред=ип	тур	сен	бе	Чечек=∅
Pers=GEN	голова=POSS3=ACC	морочить=CV1	AUX	1Sg	part	Pers=NOM

'Ты морочишь голову Май-оола, Чечек?'

¹ Россия хүнү — Арат шөлүндө // Шын. 17 июня 2014, № 74. С. 4.

² Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 39.

³ Монгуш В. Б.-Х. «Кадайыңга ынак сен бе?» [«Любишь ли ты свою жену?»]. Кызыл, 2012. С. 6.

⁴ Там же. С. 19.

Однако только примерно половина случаев употребления ИКЗ 1-го и 2-го лица получают аккузативную маркировку в позиции ПО, хотя они всегда референтны и определены через отношение к говорящему и слушающему. Причиной тому, вероятно, является то, что посессивные аффиксы 1-го и 2-го лица уже передают определенность, поэтому показатель аккузатива здесь избыточен. Они составляют большую часть тех 4% определенных ИГ, которые не получают аккузативного маркирования в позиции ПО.

(26) *Мен дуңмаларым эдертип алгаш, чээргеннеп чоруптум*¹.

мен=Ø	дуңма=лар=ым	эдерт=ип	ал=гаш
я=NOM	младший_брат_(сестра)=PL=POSS/1Sg	брат_с_собой=CV1	AUX=CV3
чээрген=не=п	чору=пт=ум		
щепка=VRBLR ²	уходить=PFV=1Sg		

‘Взяв с собой своих младших братьев и сестер, пошла за щепками’.

Встречаются случаи, когда имена собственные, имеющие посессивные аффиксы 1-го и 2-го лица, не маркируются.

(27) ... *дораан-на төрээн Мергеним көрген мен*³.

дораан=на	төрээн	Мерген=им=Ø	көр=ген	мен
сразу=part	родной	Мерген=POSS/1Sg=NOM	смотреть=PAST1	1Sg

‘... сразу же я увидел свой родной Мерген’⁴.

В случаях, где ИКЗ 1-го и 2-го лица все же получают аккузативное маркирование, определяющую роль играют другие факторы, отличные от определенности / неопределенности. Поэтому данный тип ИГ заслуживает отдельного рассмотрения.

Часто аккузативом не маркируются определенные ПО, характеризующиеся прототипическим признаком объекта-Пациенса, который называют «вовлеченностью в предикативный признак».

(28) {От салып, шай чылыда бээр⁵. < ... >} *Шай кудар*⁶.

шай=Ø	куд=ар
чай=NOM	наливать=PRS2

‘{Затопив печь, разогревает чай.} < ... > Наливает чай’.

В примере (28) речь идет о чае, который один из участников ситуации только что разогрел. Сочетание *шай кудар* ‘наливать чай’ относится к разряду устойчивых, высказывание носит общеинформативный характер: отвечает на вопрос: *что делает?*, ПО и предикат находятся в реме.

Немаркированность определенной ИГ *турлаг* ‘лагерь’ в примере (29) может быть объяснена также общим рематизированным коммуникативным статусом ПО и предиката.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Пропавшая девочка]. Кызыл, 2000. С. 8.

² Verbalizator, глаголообразующий аффикс.

³ Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл, 1951. С. 5.

⁴ Гидроним.

⁵ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 544.

⁶ Там же. С. 545.

(29) {... кагаан ону төп өргээ-турлагны кадарар сен дээш каапкан¹. < ... >} [А Күл-тегин]_{тема} [хөй эвес шериг-биле турлаг кадарып артып калган]_{рема}².

а	Күл-Тегин=Ø	хөй	эвес	шериг-биле	турлаг=Ø	кадар=ып
conj	Pers=NOM	много	part.NEG	армия-postp	стоянка=NOM	охранять=CV1
	арт=ып	кал=ган				
	оставаться=CV1	AUX=PAST1				

{... каган его оставил охранять центральный лагерь. } < ... > А Кюль-Тегин с небольшим военным отрядом остался охранять лагерь’.

Вариант с аккузативной маркировкой здесь возможен только в случаях, когда ПО и предикат имеют разный коммуникативный статус, когда рематизированным является только предикат. В таком случае данный ПО получает маркированность как определенная ИГ.

Немаркированность ПО с определенным референтом также связана с явлением, когда слово *кижи* ‘человек’ в тувинском языке применяется к самому говорящему, к 1-му лицу, т. е. референт ИГ в данном случае — это сам говорящий.

(30) Ой, кижы үзе шааптың, Өскүс-оол³.

ой	кижи=Ø	үз=е	шаа=п=ты=ң	Өскүс-оол=Ø
Interj	человек=NOM	отрезать=CV2	AUX=PFV=PAST=2Sg	Pers=NOM

‘Ой, смотри, не отрежь меня, Оскюс-оол’.

(31) Кижы дыка сүртетпе⁴.

кижи=Ø	дыка	сүрте=т=пе
человек=NOM	сильно	волноваться=CAUS=IMP-NEG

‘Не заставляй меня сильно волноваться’.

Данное явление в тувинском языке достаточно распространено и реализуется обычно в прямой речи. Слово *кижи* употребляется здесь в качестве эвфемизма, смягчающего конкретизацию. В тувинском языке есть и другие аналогичные ситуации, когда в определенных прагматических условиях осуществляется замена определенной ИГ на неопределенную (Сат, 1993).

Референтная, но неопределенная ИГ, находящаяся обязательно в *реме* высказывания отдельно или вместе с предикатом, обычно не получает аккузативного маркирования. ИГ данного типа часто сопровождаются числительным *бир* ‘один’ в качестве неопределенного артикля.

(32) <...> уруг Эресче бир-ле саазын сунган⁵.

уруг=Ø	Эрес=че	бир-ле	саазын=Ø	сун=ган
девушка=NOM	Pers=LAT	один	бумага=NOM	протягивать=PAST1

‘<...> девушка протянула Эресу какую-то бумагу’.

¹ Куулар Н. Ш. Улуг ховунуң сактышкыннары [Воспоминания Великой степи]. Кызыл, 2013. С. 6.

² Там же. С. 8.

³ Тос шилги аъттыг Өскүс-оол [Оскюс-оол с девятью рыжими конями] // Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, 1994. С. 260.

⁴ Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. С. 393.

⁵ Кудажи К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 21.

Далее в примере (33) показана неререферентная ИГ, существительное *акша* ‘деньги’ употребляется в самом общем смысле, как родовое понятие в своем сигнификативном значении.

(33) *Солдаттардан акша албас улус бис*¹.

солдат=гар=дан	акша=Ø	ал=бас	улус=Ø	бис
солдат=PL=ABL	деньги=NOM	брать=PrP.NEG	люди=NOM	1PL

‘Мы не берем денег у солдат’.

Типы ИГ, которые обычно не получают эксплицитного падежного оформления, описывались как «придаток, характеризующий действие» (Убрятова, 2006: 122), «предмет, выражаемый именем нарицательным, о котором речь идет впервые», «предмет как представитель целого рода или вида» (Майзель, 1957: 42), «слово, стоящее в позиции прямого дополнения, не отождествлено, не соотносено с конкретным предметом данного класса и имеет значение родового наименования данного класса предметов, в этом случае действие как бы не переходит на объект, а лишь характеризуется со стороны объекта, определяется объектом» (Гаджихмедов, 2000: 85).

Аккузативное маркирование неопределенных и неререферентных ИГ в связи с особенностями порядка слов, актуального членения предложения и дискурсивной значимости будут описаны в отдельной работе.

Итак, мы рассмотрели условия, влияющие на маркированность и немаркированность определенных и неопределенных ИГ в позиции ПО. Во-первых, в тувинском языке дифференцированное маркирование определенных и неопределенных ИГ в позиции ПО подчиняется типологической иерархии определенности: ИГ, референты которых занимают более высокие позиции в иерархии определенности, более вероятно получают аккузативное маркирование, в то время как неопределенные объекты остаются чаще немаркированными:

Личные (указательные) местоимения (100%) > Имена собственные (~99%) > Определенные ИГ (96%) > Неопределенные референтные ИГ (39%) > Неререферентные ИГ (29%).

Во-вторых, судя по статистическим данным, показавшим невысокое и практически равное распределение признака определенности и для субъектов-Агенсов (87%), и для объектов-Пациенсов (74%), нет явного указания на прототипичность данного признака для субъекта-Агенса. Поэтому, как нам представляется, аккузативное маркирование, служит скорее для указания на семантико-прагматический признак определенности, реализуя стратегию идентификации, а номинатив — для указания на неопределенность или неререферентность ИГ.

Заключение

Маркировка ПО является эффективным способом, позволяющим избежать двусмысленности семантико-синтаксических отношений в случаях, где такая необходимость возникает в силу наличия очевидных прототипических признаков субъекта-Агенса в семантико-синтаксическом значении ПО. В тувинском языке одним из таких прото-признаков субъекта-Агенса является степень одушевленности (личности) референта ИГ, который наряду с другими факторами влияет на аккузативное маркирование ПО, а немаркированность ПО очень часто определяется признаком вовлеченности, относящимся к прототипическим признакам объекта-Пациенса. Чем выше степень вовлеченности ПО в предикативный признак, тем меньше вероятность двусмысленной интерпретации грамматических отношений между компонентами переходной конструкции, и, соответственно, тем меньше вероятность эксплицитного маркирования ПО.

Маркировка ПО в тувинском языке служит средством указания на семантические и прагматические свойства ИГ: аккузативное оформление ПО, очевидно, указывает на его пациентивность, а также свидетельствует об определенности ИГ; номинатив указывает на неопределенность или неререферентность ИГ.

¹ Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл, 1965. С. 30.

Таким образом, дифференцированное маркирование ПО в тувинском языке может быть обусловлено двумя функциями падежного маркирования — различения и идентификации. В дальнейшем через определение функции необходимо раскрыть мотивацию для каждого фактора, влияющего на дифференцированное маркирование ПО, и составить иерархию релевантности факторов для каждой стратегии отдельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова, Н. Д. (1976) Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Наука. 383 с.
- Болдырев, Н. Н. (2002) Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность / отв. ред. А. В. Бондарко и др. СПб. : Наука. 366 с. С. 57–74.
- Бондарко, А. В. (2000) Понятия «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики // Когнитивная семантика: Материалы Второй международной школы-семинара по когнитивной лингвистике (11-14 сентября 2000 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета. Ч. 2. 261 с. С. 166–169.
- Бондарко, А. В. (1992) Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука. 304 с. С. 29–70.
- Витгенштейн, Л. (1994) Философские работы. Ч. I / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост. М. С. Козлова. М. : Гнозис. 612 с.
- Гаджихмедов, Н. Э. (2000) Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала : Юпитер. 382 с.
- Григорян, Е. Л. (2014) Семантическая категория пациентивности (affectedness) и ее синтаксические реализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. С. 28–35.
- Дмитриев, Н. К. (1960) Турецкий язык. М. : Издательство восточной литературы. 95 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология / отв. ред. Е. И. Убрятова. М. : Издательство восточной литературы. 472 с.
- Казем-бек, А. К. (1846) Грамматика турецко-татарского языка. Казань : Типография Казанского университета. 2-е изд. 497 с.
- Лакофф, Дж. (1988) Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике / ред. В. В. Петров В. И. Герасимов. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. 318 с. С. 12–51.
- Лютикова, Е. А. (2014) Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. № 4. С. 50–70.
- Майзель, С. С. (1957) Изафет в турецком языке. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 187 с.
- Муравьева, И. А. (2008) О трактовке неформленного имени в тюркских языках // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / отв. ред. В. А. Плунгян. М. : Гнозис. 487 с. С. 321–420.
- Ондар, Ч. Г. (2021) Категория одушевленности и дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» / отв. ред. Е. В. Тюттешева. Новосибирск : Академиздат. 168 с. С. 107–110.
- Падучева, Е. В. (2010) Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. Изд. 6-е, испр. М. : Издательство ЛКИ. 296 с.
- Плунгян, В. А. (2003) Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. М. : Едиториал УРСС. 384 с.
- Сат, Ш. Ч. (1993) Сөстөр дугайында кыска демдегледдер [Краткие заметки о словах] // Тыва дыл болгаш чугаа культуразы [Тувинский язык и культура речи] / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 103 с. С. 7–18. (На тув. яз.).
- Сердобольская, Н. В. (2019) Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бессермянском корпусе // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. № 2. С. 205–215. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-205-215>

Сердобольская, Н. В., Толдова, С. Ю. (2012) Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / отв. ред. А. Кузнецова. М. : Studia Philologica. 880 с. С. 59–142.

Серээдар, Н. Ч. (2009) Значения прямого объекта в модели действия в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 189–202.

Тыбыкова, А. Т. (1985) Безаффиксальная форма имени существительного в роли прямого дополнения в алтайском языке // Морфология тюркских языков Сибири / отв. ред. М. И. Черемисина. Новосибирск : Институт истории, филологии и философии СО РАН.. 155 с. С. 75–86.

Убрятова, Е. И. (2006) Исследования по синтаксису якутского языка . Новосибирск : Наука. 618 с.

Филлмор, Ч. (1981) Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике / отв. ред. В. А. Звегинцев. М. : Прогресс. Вып. X. 68 с. С. 369–495.

Черемисина, М. И., Озонова, А. А., Тазранова, А. Р. (2008) Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / отв. ред. Е. К. Скрибник. Новосибирск : Издательство «Любава». 205 с.

Ackerman, F., Moore J. (2001) Proto-properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection. Stanford : CSLI Publications. 197 p.

Aissen, J. (2003) Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 21. P. 435–483.

Bossong, G. (1985) Differentielle Objektmarkierung in den Neuiranischen Sprachen. Tübingen : Günter Narr Verlag. 187 p. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4697660>

Comrie, B. (1989) Language universals and linguistic typology. 2nd ed. Chicago : University of Chicago Press. 264 p.

Dalrymple, M., Nikolaeva, I. (2011) Objects and Information Structure. Cambridge : Cambridge University Press. 247 p.

de Hoop, H., Malchukov, A. L. (2008) Case-Marking Strategies // Linguistic Inquiry. Vol. 39, Iss. 4. P. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1162/ling.2008.39.4.565>

de Swart, P. J. F. (2007) Cross-linguistic variation in object marking. Utrecht : LOT. 234 p.

Dixon, R. (1994) Ergativity. Cambridge : Cambridge University Press. 271 p.

Dowty, D. R. (1991) Thematic Proto Roles and Argument Selection // Language. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.

Givón, T. (1983) Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins. 492 p.

Johanson, L. (1977) Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Supplement III, 2. XIX. Deutscher Orientalistentag. Wiesbaden : Harrassowitz. 1847 p. P. 1186–1203.

Kibrik, A. E. (1985) Toward a typology of ergativity // Grammar inside and outside the clause: Some Approaches to Theory from the Field / ed. by J. Nichols, A. C. Woodbury. Cambridge : Cambridge University Press. 432 p. Pp. 268–323.

Klaiman, M. H. (1988) Affectedness and control: a typology of voice systems // Typological studies in language / ed. by M. Shibatani. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. Vol. 16. 706 p. P. 25–84.

Mallinson, G., Blake B. (1981) Language Typology: Cross-cultural studies in syntax. Amsterdam : North-Holland Publishing Company. 486 p.

Moravcsik, E. (1978) On the Case Marking of Objects // Universals of human language. Vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press. 667 p. P. 249–289.

Nilsson, B. (1978) Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative // Orientalia suecana. Vol. 27–28. P. 118–131.

Øvrelid, L. (2004) Disambiguation of grammatical functions in Norwegian: Modeling variation in word order interpretations conditioned by animacy and definiteness // Proceedings of the 20th Scandinavian Conference of Linguistics / Ed. by Karlsson F. Helsinki : University of Helsinki. 290 p. P. 1–17.

Primus, B. (2007) Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking // Case, word order, and prominence. Interacting Cues in Language Production and Comprehension. Lamers, M. and de Swart P. (eds.). Dordrecht : Springer. 348 p. P. 65–90.

Rosch, E., Mervis, C.B., Gray, W., Johnson, D, Boyes-Braem P. (1976) Basic Objects in Natural Categories // Cognitive Psychology. No. 8. Issue 3. 440 p. P. 382–436.

Rosch, E., Mervis, C. B. (1975) Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. № 7. P. 573–605.

Silverstein, M. (1976) Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.) Grammatical categories in Australian languages. Canberra : Australian Institute of Aboriginal Studies. 776 p. P. 112–171.

Yarar, E. (2018) Differential case marking in Turkish wh-object phrases // SOAS Working Papers in Linguistics / ed. by M. Weidl, S. Goodchild. Vol. 19. London : University of London. 154 p. P. 29–46.

Дата поступления: 10.11.2021 г.

REFERENCES

Arutiunova, N. D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy [Sentence and its meaning: Logical and semantic problems]*. Moscow, Nauka. 383 p. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2002) Invarianty i prototypy v sistemnoi i funktsional'noi kategorizatsii angliiskogo glagola [Invariants and prototypes in the system and functional categorization of the English verb]. In: Problemy funktsional'noi grammatiki. Semanticheskai invariantnost' / variativnost' [Problems of functional grammar. Semantic invariance] / ed. by A. V. Bondarko et al. St. Petersburg, Nauka. 366 p. Pp. 57–74. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (2000) Poniatiia «invariant» i «prototip» v sisteme analiza grammaticheskoi semantiki [The concepts of “invariant” and “prototype” in the system of grammatical semantics analysis]. In: *Kognitivnaia semantika [Cognitive Semantics]: Materials of the Second International Cognitive Linguistics Seminar (September 11–14, 2000): in 2 parts* / ed. by N. N. Boldyrev. Tambov, Tambov State University Publishing House. Part 2. 261 p. Pp. 166–169. (In Russ.).

Bondarko, A. V. (1992) Sub'ektno-predikatno-ob'ektnye situatsii [Subject-predicate-object situations]. In: *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaia perspektiva vyskazyvaniia. Opredelennost'/ neopredelennost' [Theory of functional grammar. Subjectness. Objectness. The communicative perspective of the utterance. Certainty / uncertainty]* / ed. by A. V. Bondarko. St. Petersburg, Nauka. 304 p. Pp. 29–70. (In Russ.).

Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty [Philosophical works]*. Part I / transl. from Germ. by M. S. Kozlovoi and Yu. A. Aseeva; comp. by M. S. Kozlova. Moscow, Gnozis. 612 p. (In Russ.).

Gadzhikhmedov, N. E. (2000) *Slovoizmenitel'nye kategorii imeni i glagola v kumykskom iazyke (sravnitel'no s drugimi tiurkskimi iazykami) [Inflectional categories of the name and verb in the Kumyk language as compared with other Turkic languages]*. Makhachkala, Yupiter. 382 p. (In Russ.).

Grigorian, E. L. (2014) Semanticheskaiia kategoriia patsientivnosti (affectedness) i ee sintaksicheskie realizatsii [The semantic category of affectedness and its syntactic implementations]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, issue 2, pp. 28–35. (In Russ.).

Dmitriev, N. K. (1960) *Turetskii iazyk [Turkish language]*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 95 p. (In Russ.).

Iskhakov, Ph. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo iazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]*. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 472 p. (In Russ.).

Kazem-bek, A. K. (1846) *Grammatika turetsko-tatarskogo iazyka [A grammar of the Turkish-Tatar language]*. Kazan', Tipografiia Kazanskogo universiteta. 2nd ed. 497 p. (In Russ.).

Lakoff, Dzh. (1988) Myshlenie v zerkale klassifikatorov [Thinking in the Mirror of Classifiers]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New developments in foreign linguistics]* / ed. by V. V. Petrov and V. I. Gerasimov. Issue XXIII: Kognitivnye aspekty iazyka. Moscow, Progress. 318 p. Pp. 12–51. (In Russ.).

Liutikova, E. A. (2014) Padezh i struktura imennoi gruppy: variativnoe markirovanie ob'ekta v misharskom dialekte tatarskogo iazyka [Case and structure of the nominal group: variable marking of an object in the Mishar dialect of the Tatar language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, no. 4, pp. 50–70. (In Russ.).

Maizel', S. S. (1957) *Izafet v turetskom iazyke [Izafet in Turkish]*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 187 p. (In Russ.).

Murav'eva, I. A. (2008) O traktovke neformlennogo imeni v tiurkskikh iazykakh [On the interpretation of an unformulated name in the Turkic languages]. In: *Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse [Research on the theory of grammar. Issue 4: Grammatical categories in discourse]* / ed. by V. A. Plungian. Moscow, Gnozis. 487 p. Pp. 321–420. (In Russ.).

Ondar, Ch. G. (2021) Kategoriia odushevlenosti i differentsirovannoe markirovanie ob'ekta v tuvinskom iazyke [The category of animateness and differentiated marking of an object in the Tuvan language]. In: *Universal'noe i spetsifichnoe v verbal'nykh traditsiiakh narodov sovremennoi Rossii [Universal and specific in the verbal traditions of the peoples of modern*

Russia): Abstracts of the All-Russian Research Conference with international participation “Languages of the peoples of Siberia and adjacent regions: Universal and specific in the verbal traditions of the peoples of modern Russia” / ed. by E. V. Tiuntshcheva. Novosibirsk, Akademizdat. 168 p. Pp. 107–110. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2010) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii [Utterance and its correlation with reality: referential aspects of pronoun semantics]* / ed. by V. A. Uspenskii. 6nd ed. Moscow, LKI Publ. 296 p. (In Russ.).

Sat, Sh. Ch. (1993) Söster dugaiynda kyska demdeglelder [Brief notes on words]. In: Tyva dyl bolgash chugaa kul'turazy [Tuvan language and speech culture] / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 103 p. Pp. 7–18. (In Tuv).

Serdobol'skaia, N. V. (2019) Odushevlennost' i markirovanie priamogo dopolneniia v bessermianskom korpuse [Animacy and direct object marking in the Beserman corpus]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 205–215. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-205-215>

Serdobol'skaia, N. V. and Toldova, S. Yu. (2012) Differentsirovannoe markirovanie priamogo dopolneniia v finno-ugorskikh iazykakh [Differentiated marking of direct complement in Finno-Ugric languages]. In: *Finno-ugorskie iazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]* / ed. by A. Kuznetsova. Moscow, Studia Philologica. 880 p. Pp. 59–142. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2009) Znacheniiia priamogo ob'ekta v modeli deistviia v tuvinskom iazyke [The meaning of a direct object in the model of action in Tuvan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 189–202. (In Russ.).

Tybykova, A. T. (1985) Bezaffiksnaia forma imeni sushchestvitel'nogo v roli priamogo dopolneniia v altaiskom iazyke [The suffixless form of the noun as a direct complement in the Altai language]. In: *Morfologiya tiurkskikh iazykov Sibiri [Morphology of the Turkic languages of Siberia]* / ed. by M. I. Cheremisina. Novosibirsk, Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS. 155 p. Pp. 75–86. (In Russ.).

Ubriatova, E. I. (2006) *Issledovaniia po sintaksisu iakutskogo iazyka [Research on the syntax of the Yakut language]*. Novosibirsk, Nauka. 618 p. (In Russ.).

Fillmor, Ch. (1981) Delo o padezhe [The case of the case]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]* / ed. by V. A. Zvegintsev. Moscow, Progress. Issue X. Pp. 369–495. (In Russ.).

Cheremisina, M. I., Ozonova, A. A. and Tazranova, A. R. (2008) *Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nyim skazuemym v tiurkskikh iazykakh Iuzhnoi Sibiri [An elementary simple sentence with a verb predicate in the Turkic languages of Southern Siberia]* / ed. by E. K. Skribnik. Novosibirsk, Liubava. 205 p. (In Russ.).

Ackerman, F. and Moore J. (2001) *Proto-properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection*. Stanford, CSLI Publications. 197 p.

Aissen, J. (2003) Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy. *Natural Language and Linguistic Theory*, vol. 21, pp. 435–483.

Bossong, G. (1985) *Differentielle Objektmarkierung in den Neuiranischen Sprachen*. Tübingen, Günter Narr Verlag. 187 p. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.4697660>

Comrie, B. (1989) *Language universals and linguistic typology*. 2nd ed. Chicago, University of Chicago Press. 264 p.

Dalrymple, M. and Nikolaeva, I. (2011) *Objects and Information Structure*. Cambridge, Cambridge University Press. 247 p.

de Hoop, H. and Malchukov, A. L. (2008) Case-Marking Strategies. *Linguistic Inquiry*, vol. 39, issue 4, pp. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1162/ling.2008.39.4.565>

de Swart, P. J. F. (2007) *Cross-linguistic variation in object marking*. Utrecht, LOT. 234 p.

Dixon, R. (1994) *Ergativity*. Cambridge, Cambridge University Press. 271 p.

Dowty, D. R. (1991) Thematic Proto Roles and Argument Selection. *Language*, vol. 67, no. 3, pp. 547–619.

Givón, T. (1983) *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins. 492 p.

Johanson, L. (1977) Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement III, 2. XIX. Deutscher Orientalistentag. Wiesbaden, Harrassowitz. 1847 p. Pp. 1186–1203.

Kibrik, A. E. (1985) Toward a typology of ergativity. In: *Grammar inside and outside the clause: Some Approaches to Theory from the Field* / ed. by J. Nichols and A. C. Woodbury. Cambridge, Cambridge University Press. 432 p. Pp. 268–323.

Klaiman, M. H. (1988) Affectedness and control: a typology of voice systems. In: *Typological studies in language* / ed. by M. Shibatani. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. Vol. 16. 706 p. P. 25–84.

Mallinson, G. and Blake B. (1981) *Language Typology: Cross-cultural studies in syntax*. Amsterdam, North-Holland Publishing Company. 486 p.

Moravcsik, E. (1978) On the Case Marking of Objects. *Universals of human language*, vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press. 667 p. P. 249–289.

Nilsson, B. (1978) Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative. *Orientalia suecana*, vol. 27–28, pp. 118–131.

Øvrelid, L. (2004) Disambiguation of grammatical functions in Norwegian: Modeling variation in word order interpretations conditioned by animacy and definiteness. In: *Proceedings of the 20th Scandinavian Conference of Linguistics* / Ed. by Karlsson F. Helsinki, University of Helsinki. 290 p. P. 1–17.

Primus, B. (2007) Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking. In: *Case, word order, and prominence. Interacting Cues in Language Production and Comprehension*. Lamers, M. and de Swart P. (eds.). Dordrecht, Springer. 348 p. Pp. 65–90.

Rosch, E., Mervis, S.B., Gray, W., Johnson, D. and Boyes-Braem P. (1976) Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*, no. 8, issue 3, pp. 382–436.

Rosch, E. and Mervis, C.B. (1975) Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories. *Cognitive Psychology*, no. 7, pp. 573–605.

Silverstein, M. (1976) Hierarchy of features and ergativity. Dixon R. M. W. (ed.) *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies. 776 p. Pp. 112–171.

Yarar, E. (2018) Differential case marking in Turkish wh-object phrases. In: *SOAS Working Papers in Linguistics* / ed. by M. Weidl, S. Goodchild. Vol. 19. London, University of London. 154 p. Pp. 29–46.

Submission date: 10.11.2021.